

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2020

Выпуск 30-й

Петропавловск-Камчатский

«Новая книга»

ИП Кожан С.П.

2020

Составитель и редактор А. А. Смышляев

*На обложке рисунок Печальновой Дарьи (16 лет) «Октябрь»,
г. Петропавловс-Камчатский, ДХШ*

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры Камчатского края,
индивидуального предпринимателя С.П. Кожана
и Камчатского регионального отделения Союза писателей России

Наталья ТАТАРЕНКОВА

ПО СТРАНИЦАМ ПИСЕМ ОКСАНЫ ЛЬВОВНЫ БАРАБАШ

История нашего знакомства началась довольно неожиданно. К тому времени я жила на острове Беринга без малого семь лет, последние из которых посвятила работе в Алеутском краеведческом музее. Провинциальный музей – явление особенное, а музей на клочке суши, со всех сторон окружённом водами Тихого океана – вдвойне. Постоянные ветра, шторма, землетрясения, перебои с электроснабжением и подачей воды и почти полная информационная изоляция – таковы были реалии тех лет. Маленький штат не предусматривал узких специалистов, заниматься приходилось сразу всем: атрибуцией предметов, комплектованием фондов, научными изысканиями, созданием и монтажом экспозиций, проведением экскурсий на русском и английском и так далее.

К весне 2001 года работы в залах первого, основного, этажа были завершены, и мы приступили к оформлению второго. Там планировалось размещать временные экспозиции, отражающие события XX века – от социалистической революции до современности. Отдельный стенд решили посвятить исследо-

вателям Командорских островов. Но возникла проблема – имевшийся в наличии материал был более чем скромнен. На полках в фондохранилище лежало всего несколько подходящих предметов: ксерокопия портрета Александра Черского – старшего смотрителя за рыбными и пушными промыслами, сторонника передовой для своего времени идеи островного звероводства, его труд «Командорский песец», изданный в 1920 году в г. Токио и ещё три научно-популярные книги и несколько статей зоолога-охотоведа Сергея Макарова, чьё имя сегодня носит заповедник. Всё. Впрочем, в одной из старых, недействительных, инвентарных книг сохранилась интригующая запись: «Барабаш И.Н. “Командорские острова 31 г.”». Забегая вперёд, скажу, выяснить, что за предмет скрывался под этим странным определением, нам так и не удалось. Но тема биографии Ильи Ильича Барабаш-Никифорова стала одной из первоочерёдных.

Опрос старожилов не дал желаемых результатов. В то же время название «В стране ветров и туманов» было почти у каждого на слуху. В этой книге в лучших литературных традициях, великолепным русским языком, дано описание природы и быта Командор. Не менее ценна и научно-исследовательская составляющая. К сожалению, 1934-й, довоенный год выпуска сделал издание библиографической редкостью. Упоминание о царствовании воздушной стихии перекликалось с другим, более поздним, произведением. «Колыбель ветров» американского автора Теодора Бенка II в созвучной манере освещала близкие темы, но уже на соседних Алеутах. Книга вышла в 1956-м, а в 1960-м была переведена на русский и сразу полюбилась требовательному российскому читателю. Со временем большинство деталей размылись и переплелись, составив из двух очерков единый чистый образ, пропитанный свежестью ветров...

Кто-то из жителей смутно припоминал рассказы о человеке с бородой, иные – о зоологе в очках. Но ни одно из описаний не подходило Илье Ильичу, не носившему ни того, ни другого. Очки были у зоотехника Тита Авдеевича Мальковича, продолжившего эксперименты Барабаша по вольерному содержанию каланов в 1934–1936 годах. А борода... бороду мог отрастить кто угодно, к примеру, очень приметная была у старшего зоотехника Георгия Домонтьевича Полякова. Да и сам он был личностью незаурядной, по командорским меркам прямо-таки легендарной. Поляков

приехал на острова в 1933-м и за 17 лет службы курировал многие проекты. Его пышная борода рано поседела и запомнилась островитянам как «сильно старившаяся». Вероятно, эти два образа и легли в основу фантазийного собирательного. Почему произошло такое смешение? – Дело в том, что долгожители были в основном среди беринговских алеутов, но «беринговцы» с Ильёй Ильичом не пересекались. Старшее поколение «медновцев», напротив, тесно с ним взаимодействовало, но стало стремительно таять после вынужденного переселения на Беринга в конце 1960-х.

В начале нынешнего века в селе Никольском жил только один уроженец о. Медного «нужного» возраста – Сергей Илларионович Сушков (1922 г. р.). Он-то и вспомнил. Но не именитого учёного, которого редко видел, а его юную спутницу, командорскую учительницу... Сперва в памяти всплыли общие черты, лицо, затем – события из школьного детства, разговоры с мамой. Фамилия была другой, не Барабаш, простая такая фамилия, крутившаяся на языке. Ну, конечно же, Климова!

В мае я набралась смелости и написала дочери Ильи Ильича, моему университетскому преподавателю Галине Ильиничне Барабаш. Я хорошо её помнила, грамотного принципиального специалиста, доцента кафедры ботаники. Как-то раз мы, четверо «автоматчиков», смело понесли зачётки ей на подпись. «Ну, раз «отличники», сможете сдать экзамен без подготовки», – Галина Ильинична улыбнулась и раздала билеты. К такому повороту мы были не готовы. Конечно, вопросы были базовые, и всё закончилось благополучно, но тот экзамен мы запомнили надолго. И вот теперь, спустя столько лет, я вновь ощутила себя студенткой перед экзаменом... Могла ли я предположить, отправляя письмо, что помимо исчерпывающего ответа мне суждено было обрести добрых друзей и мудрых наставников? Но случилось именно так.

Старый загранпаспорт

Ответ пришёл почти сразу, всего через полтора месяца – для командорской почты это очень короткий срок. Писала та самая «Оксана Климова» – Оксана Львовна Барабаш.

В конверт были вложены две фотографии Ильи Ильича: часто публикуемый снимок конца 1960-х и второй, уникальный, 1930

года. Его сделали во Владивостоке при оформлении загранпаспорта. В первые десятилетия после революции для поездки на Командоры такой документ был необходим. Добраться до островов можно было только по морю, путь пролегал через нейтральные территориальные воды, но не следует забывать, что после поражения в Русско-Японской войне 1905 года на протяжении 40 лет Курилы и южная часть Сахалина принадлежали Японии. К тому же, дальневосточный флот ещё не оправился после означенной войны и гражданского противостояния начала 1920-х, и более половины грузопассажирских перевозок осуществляли иностранные, в первую очередь японские, суда. Дефицит пароходов приводил к вынужденному увеличению протяжённости маршрута, предусматривавшему заходы в промежуточные точки. Как следствие, увеличивалось время в пути. В случаях технической неисправности пароходы пользовались услугами японских доков.

Илья Ильич
Барабаш-Никифоров,
1930 г.

Как живое свидетельство тех лет, в семье сохранился сам паспорт. Каким-то чудом он затерялся среди основных документов, уцелел в годы Великой Отечественной войны и вместе со своими хозяевами пережил эвакуацию. За долгое время он затёрся до состояния тонкой ветхой тряпочки, рвущейся на сгибе. Но даже через 70 с лишним лет на старом документе можно было разглядеть печати и записи, часть из которых сделана карандашом. Я держала в руках удивительный раритет и с трепетом его изучала. Достоверность фотографий подтверждена треугольной печатью Приморского кавалерийского пограничного отряда ОГПУ, г. Владивосток. До 1934 года Объединённое

государственное политическое управление выполняло функции специального органа госбезопасности СССР. Рядом отчётливо видна круглая печать Главной конторы АКО – Акционерного Камчатского общества. Она удостоверяет подписи зав. отдела с/х и зав. секретной частью, тут же стоит дата – 15 июля 1930 года. Немного левее

– семиугольный штамп Вербовочного бюро Владивостокской биржи труда. На самом бланке отпечатано имя председателя – Цымбал.

Вербовочные бюро состояли при биржах труда, через них АКО нанимало работников. Пункты верббюро функционировали во многих городах Советского Союза. Вероятно, через один из них был заключён договор с четой Барабашей. По воспоминаниям Ильи Ильича, в начале 1930 года известный советский зоолог Борис Михайлович Житков подал ему идею принять участие в Тихоокеанской научно-промысловой экспедиции, организованной Бюро исследований АКО. Других сведений о формальной стороне вопроса не сохранилось. Зато известна общая картина тех лет. Государственное Акционерное Камчатское общество было создано в 1927-м для форсированного промышленного освоения Охотско-Камчатского края и Чукотки. Организация являлась сложной многофункциональной структурой, занимавшейся добычей ресурсов, снабжением, торговлей и отчасти – представителем советской власти на Дальнем Востоке. Был и свой флот. Стремительное развитие зверобойного промысла требовало скорейшей разведки природных ресурсов. В 1928–1933 годах организацией экспедиций и координированием исследовательской деятельности занималось непосредственно АКО, позже эти функции перешли в ведение Академии наук и ведомственных НИИ. Важные перемены произошли именно в 1930-м: если прежде руководство исследованиями было разделено между отделами, то теперь был образован единый Научно-исследовательский сектор.

Старый паспорт запечатлел и другие интересные записи. Данные о сотрудниках оформлены в виде таблицы: фамилия, имя, отчество; год рождения; должность; прежнее место работы; откуда прибыл; партийность; член какого союза; адрес. Предпоследний столбец не случаен, поскольку при трудоустройстве советских граждан предпочтение отдавалось именно членам профсоюзов. Ильяс Ильич состоял в Рабпросе – профсоюзе работников просвещения. Его основным местом работы была должность ассистента на кафедре биологии мединститута в г. Днепропетровске. Оксана Львовна, как учащаяся медучилища, являлась членом медико-санитарного союза.

Оборот документа сохранил отметки об отъезде. Первая, разрешающая новым служащим АКО следовать к месту работы на Командорские острова, была сделана 20 июля 1930 года, на следу-

ющий день её утвердил ОГПУ. Но контрольно-пропускной пункт был пройден лишь спустя месяц, 20 августа (ещё одна пометка, что едут два человека, проставлена 27 июля). Название отправлявшегося на Камчатку судна «Minnie Moller» в паспорте не прописано, зато имеются записи об обратном маршруте: 1 августа 1932 года ревизор парохода «Эскимос» подтвердил, что Барабаш и Климова являются его пассажирами; вторая отметка сделана – 27 августа при выезде из Петропавловска.

В марте 2002-го ксерокопия загранпаспортаполнила собрание Алеутского музея. Несмотря на неказистый вид, она стала настоящей жемчужиной. Особенно сильно история Оксаны Львовны, с удивительной поездкой на край света, любовью длиною в полвека и потрясающей стойкостью в преклонном возрасте, трогала сердца пожилых иностранцев. В начале века значительная часть пассажиров круизных лайнеров была немолода. 60–70-летняя «молодёжь» аплодировала, а кто постарше, затихал, вспоминая собственные долгие годы. Каждый уходил с ощущением тихого счастья и покоя, дарующего надежду.

В пути

Будущие супруги познакомились в Днепропетровске (современное название города – Днепр, Украина). Оксана Климова училась в фельдшерско-акушерском техникуме. Илья Ильич Барабаш-Никифоров преподавал там биологию. Он был старше своей ученицы на 17 лет и успел зарекомендовать себя как серьёзный учёный. Но разница в возрасте и статусе не так важна, если есть общность интересов. Вероятно, не последнюю роль сыграли ценности, заложенные в детстве. Обе семьи были связаны с сельским хозяйством: отец Оксаны был директором совхоза, а отец Ильи Ильича, мечтавший превратить степь в цветущий сад, отдал все силы своему опытному плодovому питомнику.

Молодые заключили союз в июне 1930-го и сразу отправились в «свадебное путешествие» – изучать биологию калана на далёких неведомых Командорах. На словах всё выглядело очень просто: доехать на поезде до Владивостока, а оттуда – пароходом сразу на острова. На деле дорога заняла почти четыре месяца: с Украины выехали 15 июня, а до о. Медного добрались только 24 октября.

Поезд из Москвы шёл 11 суток, это была самая лёгкая часть пути. Затем началось томительное ожидание, растянувшееся более чем на месяц. Выйти в море удалось только 20 августа, на последнем рейсовом пароходе «Minnie Moller». Но настоящие испытания ожидали впереди.

Путь от Владивостока до Командор занял 67 суток вместо 10–12 положенных. Илья Ильич описал злополучный переход во всех красках: «Почти непрерывные штормы трепали пароход. Некоторые были такой силы, что судно, скрипя по всем швам, ложилось то на один, то на другой бок, зарывалось носом в волны. По временам казалось, что вот-вот оно не выдержит и переломится пополам на поднявшей его огромной волне. На палубе оживали слабо закреплённые вещи. Грохот, удары обрушивающейся на палубу массы воды, шум разъярённого моря, рёв ветра – всё сливалось в какую-то адскую музыку, державшую нервы в постоянном напряжении. В одну из таких трёпок вдруг задрожал, как в лихорадке, пароход, и в ритме машины послышались перебои. Скоро облетела все уголки тревожная весть: сломалась какая-то часть в машине; пароход идёт чиниться в Японию».

Причину неисправности запомнила 19-летняя Оксана. В доках Хакодате (о. Хоккайдо) меняли коленчатый вал. За две недели простоя на берег разрешили спуститься только раз, и то партийным. Их поход в город продлился всего несколько часов. Остальные, в числе которых были наши беспартийные героини, оставались на борту. Рядом день и ночь дежурили японские полицейские – подтянутые юноши-красавцы в форме, так непохожей на российские шинели. С ними ярко контрастировал экипаж «Minnie Moller», состоявший из капитана-англичанина, боцмана-японца и матросов-китайцев. К выполнению обязанностей команда относилась «более чем равнодушно», а капитан и вовсе позволял себе весьма эксцентричные выходы. Однажды он вышел на палубу с одной лишь простыней на плечах. Но идея разгуливать в negligee не получила поддержки, и он быстро ретировался.

Из пассажиров на борту находилась ещё альголог Е.А. Кардакова и «несколько новых сотрудников промыслов». Евгения Алексеевна Кардакова (1900 г. р.) уже имела опыт работы на островах, поскольку с 1928-го изучала морские водоросли о. Беринга. Она провела лето на «большой земле» и теперь спешила обратно, чтобы

продолжить гидрологические наблюдения на Медном, где её ожидал муж. Андрей Иванович (1891 г. р.) не покидал островов, в этот полевой сезон он исполнял обязанности помначкомпрома (помощника начальника командорских промыслов) и попутно проводил ботанические сборы. У Кардакова была шикарная фототехника, позволявшая снимать то, что другим было недоступно, из-за чего учёный производил впечатление фотокорреспондента. С Барабаш Кардаковы так и не сблизились. Возможно, причина крылась в замкнутом характере Андрея, возможно – в необузданной фантазии Евгении – чего стоит одна выдумка о том, как после разрыва с мужем она якобы в одиночку пересекла Тихий океан и добралась до Камчатки. Кардаковы работали на Медном до конца лета 1931 года, затем переехали на Беринга и оттуда – на материк. Больше пути исследователей не пересекались, известно лишь, что Андрей Иванович Кардаков был расстрелян в 1938-м как «враг народа». Но тогда, под ласковым солнцем у берегов Японии, никто не думал о предстоящих бурях. Евгения хорошо владела английским, Оксана – немного французским. Этого было достаточно, чтобы объясняться с капитаном и командой. Пассажиры отдохнули и воспряли духом.

Дорога от Хакодате до Петропавловска заняла 12 дней, но что это был за переход! Пароход попал в очередной шторм: «В одну из бурных чёрных ночей пассажиры были разбужены страшным грохотом над головой. Это метались по палубе железные бочки с бензином и керосином. Некоторые дали течь, и зловещий запах горючего стал проникать в полутрюм, отведённый для пассажиров. К этому запаху вдруг присоединился удушливый запах дыма, выбивавшийся откуда-то снизу. Можно себе представить, каково было самочувствие пассажиров, когда в довершение всего железная палуба под их ногами начала ощутительно нагреваться. Оказалось, где-то внизу самовозгорелся уголь. Вверху – разливающийся по палубе бензин, внизу – горящий уголь, посередине – одурманенные качкой, грохотом и дымом люди!» Угроза взлететь на воздух сохранялась на протяжении всего пути до Камчатки. Потушить пожар не удавалось – он то затихал, то разгорался с новой силой.

Петропавловск подарил несколько дней отдыха и возможность изучить прекрасные окрестности города. Переход до о. Беринга занял неделю, при том, даже в XIX веке это расстояние преодолева-

ли всего за 2–3 дня. На пути к Медному опустился непроглядный туман. «Нащупывая» остров, пароход подошёл к ближайшему острову Алеутской гряды (очевидно, Атту). Этот факт раскрывает все «таланты» капитана – так промахнуться не удавалось даже первопроходцам XVIII века, чьи утлые судёнышки были оснащены минимумом навигационных приборов.

Едва ли путешественники, ступив на твёрдую сушу, испытали меньшую радость, чем измождённая команда капитан-командора Беринга!.. Но злоключения не закончились и на этом. Погода портилась, и выгрузка шла с лихорадочной поспешностью. В ранних туманных сумерках безостановочно сновал катер, буксировавший кунгасы (деревянные плашкоуты без надстройки и палубы). Мокрые с ног до головы алеуты в робах и зюйдвестках показывали чудеса проворства и неустойчивости, перетаскивая ящики и тюки со снабжением. И вдруг в разгар процесса пароход дал прощальный гудок и скрылся за горизонтом.

Островитяне поразились: почему? Погода стояла не лучшая, но сильного волнения не было. Напрасно ждали возвращения снабженца – он так и не появился. С ним ушли припасы на зиму и трюмный багаж высадившихся пассажиров. Понесли потери и наши путешественники: вместе с судном ушли их личные вещи и часть экспедиционного снаряжения, в том числе защитные очки. На берегу осталась пара кунгасов и пять китайских матросов с «Minnie Moller». Китайцам, все они были из г. Чифу (совр. Яньтай), пришлось хуже всего. Они оказались без вещей и средств к существованию, у одного началась цинга. О случившемся немедленно послали радиogramму в Петропавловск. Положение спас российский пароход «Томск», проходивший мимо в декабре. Он забросил несколько мешков картошки (чтобы справиться с болезнью, картофель ели сырым) и забрал матросов из Поднебесной.

Багаж вернулся летом на борту второго снабженца. Недоставало только ящика, в котором лежала посуда. Её покупали во Владивостоке специально для работ на острове.

Вспоминая о том походе, Оксана Львовна подытожила: в сталинские времена выискивали «вредителей», «врагов народа»... Тот суперкарго, русский жулик, был единственным вредителем, которого я видела в жизни – всё сделал, чтобы сорвать зимовку.

«Минниха» и «Эскимос»

Описание командорской эпопеи было бы неполным без истории пароходов, на которых наши путешественники шли на остров и обратно. После войны 1905 года на Дальнем Востоке осталось крайне мало российских транспортных судов. Грузовые и пассажирские перевозки осуществляли в основном иностранные компании.

«Минниха», как называли судно российские пассажиры, или «Minnie Moller», как гласила надпись на борту, появилась на свет под названием «Harmony» («Гармония»). Грузовой лайнер был построен в портовом городе Хартлпул (West Hartlepool) на северо-востоке Англии. В январе 1905 года он сошёл с верфи судовой компании «Furness, Withy & Co», входившей в пятёрку крупнейших в стране. Палуба имела 99,09 м в длину и 14,33 м в ширину, регистровая вместимость составляла 2 833 grt (брутто-регистрационных тонн). Паровой двигатель тройного расширения фирмы «Richardsons, Westgarth & Co» мощностью 304 лошадиных сил развивал среднюю скорость 9 узлов (около 16,7 км/час). В 1912 г. судно было продано новозеландской компании «Union Steam Ship Company of New Zealand» и переименовано в «Kauri». Путь судна оказался не гармоничен, а тернист: в июне 1914-го оно село на мель близ Вестпорта (США); в декабре загорелось в Веллингтоне (Новая Зеландия); в июне 1924-го получило повреждения в Тасмановом море, а в августе 1927-го было снято с эксплуатации и поставлено на прикол в Литтелтоне (Новая Зеландия). В 1928-м пароход был продан в Китай английской компании «Moller & Co», получил название «Minnie Moller» и продолжил злосключения в Тихом океане. Наконец, в 1936-м он перешёл шанхайской компании «Hwah Sung Steamship Co» и под именем «Hwah Foo» затонул в реке Янцзы во время Китайско-японской войны.

Компания «Moller & Co» была основана в Шанхае шведским капитаном Нилсом Моллером. Но поскольку гражданам Швеции, живущим за рубежом, не разрешалось ходить под государственным флагом, Моллер зарегистрировал свои корабли под британским. Со временем компания перешла внуку Нильса, Эрику Моллеру. В 1920–1930-х помимо «Миннихи» на Камчатку ходили и другие суда компании, зафрахтованные АКО: «Ральф», «Эрика», «Нэнси», «Кэтти», «Мабель», «Лилян», «Виннифред», «Хильда» – все

в названии содержали фамилию владельца: «<...> Моллер». Говорили, у Эрика было семь дочерей, и пароходы получили их имена.

С 1925 года количество отечественных судов постепенно возрастало, в начале 1929-го АКО приобрело два новых судна, одним из них был «Эскимос».

Четырёхтрумный грузовой пароход был построен японской компанией «Ishikawajima Ship & Chemical Plant Co». Он сошёл с токийской верфи в декабре 1919 года. Заказчиком выступал Судовой совет США (U.S. Shipping Board), местом приписки «Восточной красавицы» («Eastern Belle») стал г. Сан-Франциско. После продажи в 1929-м Советскому Союзу судно перебазировалось во Владивосток, и лишь затем – в Петропавловск-Камчатский. Палуба имела 93 м в длину и 13,3 м в ширину, регистрационная вместимость составляла 3 017,58 grt, грузоподъёмность 3 400 т, паровой двигатель тройного расширения мощностью 1 500 лошадиных сил позволял идти со средней скоростью 8 узлов (около 14,8 км/час). Пароход был списан в 1971-м после 52 лет активной эксплуатации.

С 1931-го стал возможным постепенный отказ от фрахта зарубежных пароходов, хотя проблема нехватки транспортных средств по-прежнему оставалась. В навигацию 1932-го «Эскимос» единственный из четырёх судов АКО полностью справился с поставленными задачами.

Молодая учительница

Отправляясь в дальнейшее путешествие, Оксана Климова была уверена, что будет работать лаборантом при замечательном зоологе – своём муже. Но жизнь внесла свои коррективы.

Пока «Minnie Moller» стоял в Петропавловске, её вызвали в районо (районный отдел народного образования) и, невзирая на протесты и уверения в полном отсутствии педагогического опыта, назначили учителем и заведующей школой на Медном. Между тем, юному «директору» было всего 19 лет. Но куда деваться? – учить детей было некому. «Минниха» была последним пароходом в навигацию 1930-го, сроки поджимали, на поиски другого специалиста не было времени. По сути предложение звучало как ультиматум: или едешь учителем, или не едешь вообще. Пришлось провести учебный год в школе. Было непросто, но

Оксана Львовна Климова
(Барабаш), 1930 г.

Оксана Львовна никогда не жалела потраченного времени и вспоминала о нём с любовью.

Пароход встречали все жители села Преображенского – заход любого судна был большим волнительным событием, а тут ещё везли новую «училку». Несмотря на усиливающееся морское волнение, представители местной власти лично поднялись на борт: председатель туземного совета (сельсовета) «алеут» Константин Николаевич Юрьев (1884 г.р.) и секретарь партийной

ячейки Яковлев со своей женой. Юрьев родился и вырос на Медном, но причислял себя не к алеутам, а к «креолам»: оба его дедушки были русским, а бабушки – алеутками с о. Атки. «Товарищ Яковлев» был приезжий, русский, с однофамильцами-алеутами в родстве не состоял. Первым делом обвёл взглядом собравшихся: «А где же учитель?» Увидев юную Оксану, его «мадам» недовольно хмыкнула: «Что здесь сделает какая-то девчонка, когда у мужчины-учителя дети в школе катались на лыжах». Но та не спесивала и сразу парировала: «Не беспокоились, у меня такое будет невозможно!» И оказалась права.

Молодой учительнице, ни часу не преподававшей в школе, удалось в сравнительно короткий срок перевоспитать своенравную ораву. Она сразу поняла, что детям не хватало внимания и ласки. Алеуты любили своих чад, но не баловали и обращались, скорее, как с «маленькими взрослыми». Ребята оценили доброе отношение к себе и ответили взаимностью: внимательно слушали, тянулись к знаниям. После уроков собирались вместе пели, танцевали, ставили небольшие сценки и театрализованные постановки. Работали много, с полной самоотдачей. Ни один революционный праздник не проходил без участия школьников. Только представьте, пароход пришёл 24 октября, а 7 ноября Оксана уже выступала со своими воспитанниками в сельском клубе.

Илья Ильич тоже не оставался в стороне. В качестве общественной нагрузки ему поручили заведывание библиотекой. Дру-

гой его обязанностью было гримировать артистов. В скором времени он научился довольно ловко приклеивать бороды, подводить морщины и наносить румянец. Чем более неузнаваемым становился его персонаж, тем больший восторг это вызвало у зрителей. Режиссёром-постановщиком спектаклей, разумеется, была Оксана Львовна. Она же выступала в роли суфлёра. Стоит ли говорить, что почти на всех праздничных концертах лучшие номера принадлежали школе!

Школа на Медном была только начальная, так называемая «четырёхлетка», с одним единственным педагогом. Заниматься надо было в две смены: с утра – со 2-м и 4-м, а после 3-х часов – с 1-м и 3-м классами. Вставать приходилось затемно, чтобы успеть позавтракать и накормить поросёнка – селяне сразу предупредили, что, если не завести скотину, зимой будет нечего есть. Хорошо ещё, жили при школе, и на уроки не надо было далеко бежать. Вечера уходили на подготовку, приготовление пищи, стирку белья, выпекание хлеба и разные мелкие хлопоты. Плюс ко всему на Оксану «повесили» должность женорганизатора – нужно было проводить занятия с неграмотными и малограмотными женщинами в клубе.

С малышами было относительно легко, а с третьеклассниками намучилась. У предыдущего учителя за два года они только кое-как освоили алфавит. Русский был неродным, сложным языком. Сильно отличался даже набор основных звуков. Сложно представить, но в алеутском, например, нет звука «о». Как следствие, и остальные предметы давались с огромным трудом. К счастью, все алеуты, и дети, и их родители, отличались большой любознательностью и были настроены очень дружелюбно.

Вскоре в школе воцарился порядок. Ушли в прошлое времена, когда вместо уроков шалуны, специально натаскав снег, устраивали катание на лыжах между партами. Занятия вошли в нормальное русло, развернулась кружковая работа, появилась стенгазета. Вероятно, именно эту газету, освещавшую все насущные проблемы острова, процитировал Илья Ильич в журнале «Советский север»: «Уголь уже весь вышел, дров нет, а зима ещё не кончилась. Жители использовали все последние возможности; приступили уже к разборке построек на топливо, жгут домашние вещи и мебель, т.к. другого выхода нет. Ведь нужно согреть детей, больных, согреться после работы, выпечь хлеб, приготовить пищу. Подходит очередь

и к разбору новых построек... В тяжёлом положении оказались и больные, т.к. ни медикаментов, ни перевязочных средств совершенно недостаёт». Школа стала настоящим информационно-культурным центром села.

К лету 1931-го подросток первый выпуск. Среди четвероклассников запомнился один, отличавшийся от сверстников, ученик – Емельян Сушков. Это был чудесный мальчик, очень подвижный, сообразительный, схватывавший всё налету и понимавший буквально с полуслова. На него можно было положиться во всех делах – на занятиях, в кружковой работе, в художественной самодеятельности. На выпускные экзамены пришла строгая комиссия: начальник острова (вероятно, помначкомпром А.И. Кардаков), председатель тузсовета К.Н. Юрьев и кто-то от матерей. Емельян блестяще ответил на все вопросы, поразив присутствующих своими результатами. Оксана гордилась своим выпускником.

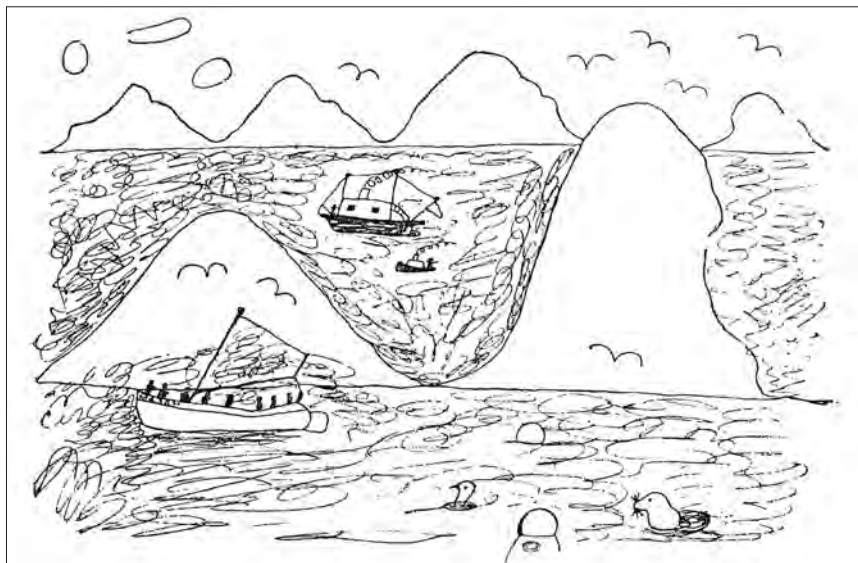
Емельян (ок. 1919 г. р.) был приёмным сыном Олимпиады Сергеевны Сушковой (1879 г.р.). Отец Емельяна, тоже Емельян, приходился Олимпиаде младшим братом. А мама, Евлампия Илларионовна Бадаева, скончалась в 1928 году. Брак был гражданским, без венчания, такие уж времена, и детей записывали то Сушковыми, то Бадаевыми. Так же «гуляли» и отчества: то Емельяновичи, то Илларионовичи. После смерти Евлампии тётя Липа взяла на воспитания всех четверых племянников: Степана, Емельяна, Юлию и Татьяну. Вместе с ними жил Иов Семёнович (1869 г. р.) – двоюродный брат по отцовской линии, и, конечно же, родной сын, тот самый Сергей Илларионович. Такая вот большая дружная семья. Оксана была дружна с ними, особенно с мудрой Олимпиадой Сергеевной.

Вторым любимым учеником был первоклассник Иван Синицын (1922 г. р.), сын Капитолины Ксенофонтовны, ровесник и лучший друг Сергея Сушкова. Илья Ильич называл его ласково – Ванюшка. Через призму чистого детского восприятия показаны многие картины островного быта: «битва» с песцами-воришками, охота на нерпу, разгрузка парохода. *«Отправляясь рано утром в школу, по обыкновению бегом, маленький унганг Ванюшка увидел копошившихся у склада магазина песцов. Картина для о. Медного настолько обыкновенная, что Ванюшка, вероятно, не обратил бы на неё никакого внимания. Однако в зубах у одного из песцов он заметил какой-то*

жёлтый квадратик. Точно такой же квадратик появился в зубах второго, третьего песка. Это уже показалось мальчику подозрительным. С песцами у него были свои счёты. Не далее как два-три дня назад песец утащил одну из его меховых рукавичек <...> Подойдя поближе, он узнал в жёлтых квадратиках то самое туалетное мыло, кусок которого на днях принёс из магазина его отец. С этим открытием мальчик вихрем помчался в школу к учителю, а от него – к завхозу. Подняли тревогу. Значительную часть расхищенного мыла собрали. Оказалось, ночью песцы нашли лазейку в склад и порядочно там похозяйничали». «Сегодня у школьника унангана Ванюшки вдвойне счастливый день. Во-первых,

Ванюшка
(Иван Кузьмич Синецын)

Ванюшкин рисунок «Выгрузка парохода», 1931 г.

отец взял его с собой на охоту за нерпами, а во-вторых, в этот день пришёл долгожданный первый в этом году пароход. <...> С торжествующим криком бросился Ванюшка к тому месту, где у берега покачивалась на волнах туша убитого животного. Когда на глазах у Ванюшки она начала медленно тонуть, мальчик чуть не бросился за ней в воду. Но подошедший отец успокоил его. Развернув выброску, он ловко закинул крючок с грузилом в то место, где затонул зверь, и начал выбирать назад бечеву». «Два дня пребывания парохода у острова прошли в страшной суете. Жизнь селения была полностью выбита из колеи. Целыми днями проводил Ванюшка на берегу, помогая вместе с другими школьниками при разгрузке приходивших от парохода кунгасов. Когда же пароход ушёл и впечатления пережитого немного улеглись, мальчик взял карандаш и изобразил на листе бумаги пароход, качающийся на волнах, кунгас, прибрежные скалы. Немного подумав, он тут же нарисовал выглядывающие из воды головы нерп».

Судьба оказалась жестока. Оба алеута утонули в 1949 году «при выполнении служебных обязанностей: промысловик Иван – в марте на Медном, а радист Емельян – в июле на Беринга.

С алеутскими детьми проблем не было, чего нельзя сказать об островной «элите». Дочка партийного лидера училась в четвёртом классе. Девочка умная, довольно взрослая, начитанная. Оксана Львовна частенько снабжала её интересными книгами из привезённых личных запасов. С ней было легко и интересно. Но хулиганка страшная. И вот однажды по весне молодая учительница повела класс на берег, чтобы показать морские водоросли и гидробионтов. Но вода оказалась слишком высокой, шёл прилив. Пришлось ограничиться прибрежными сообществами. Дети гуляли, изучая окрестную флору, и вдруг озорница кинулась бежать, прыгнула в море и, не рассчитав, оказавшись по пояс в ледяной воде. Все переполошились, закричали. Емельян сразу бросился спасать. А та и сама не ожидала, испугалась. «Иди сейчас же домой, беги бегом. Пусть мама тебя переоденет – ты же простудишься! А завтра придёшь в школу с мамой». Девчонка понуро побрела, благо, село крохотное, всё рядом.

К счастью, организм шалуни оказалась крепким, но на следующий день она на занятия не пришла. Зато заявила мама и устроила скандал: «Моя дочка в школу ходить не будет, она обиделась!» – «На

что? Раз уж так, это я должна на неё обижаться, а не она на меня, – учительница сохраняла спокойствие, – Вы со мной таким тоном не разговаривайте. Пойдите домой, успокойтесь, и пусть она завтра всё-таки придёт». Всё закончилось благополучно. Девочка успешно окончила школу. А Илья Ильич успокоил молодого педагога: это очень характерно для мам – заступаться за своё детище и выставлять его в благовидном виде, обижаться на такое не стоит.

И всё же весной 1931-го Оксана попросила освободить её от занимаемой должности. Но получила категорический отказ, полюбившую всем учительницу отпускать не хотели: «по настоянию месткома и общего профсоюзного собрания, состоявшегося 5 марта 1931 г., она была закреплена на работе в школе ещё на год, несмотря на её заявление о желании выехать на материк для поступления в ВУЗ». Справка составлена 30 июня 1932 г. председателем месткома Александром Александровичем Зайковым (1878 г. р., потомком алеутов с о. Атту) и секретарём Яковом Ивановичем Хабаровым (1895 г. р., потомком алеутов с о. Атки).

Тем не менее, летом на постоянную работу приехал «настоящий» учитель. По всей видимости, Сергей Митрофанович Блажевич. Он окончательно утвердил школу на должной высоте, а у Оксаны, наконец, появилась возможность поехать с мужем в бухту Песчаную, где начинались работы по созданию первого вольера для каланов. Оксана Львовна не без гордости вспоминала, что стала «первой женщиной в мире, у которой калан на другой день после поимки брал из рук морских ежей».

Пребывание О.Л. Климовой на посту заведующей не прошло бесследно. Её проект по оздоровлению бытовых условий был принят. С осени 1931-го в школе стали готовить горячие завтраки. Через несколько лет была проведена реформа образования, её сторонником был, скорее, Илья Ильич. Медновскую школу сократили до 2-летки. Оставшиеся два года дети учились на о. Беринга. Специально для них был создан интернат: осенью школьников привозили, и они находились на соседнем острове в течение всего учебного года. А беринговские учащиеся жили у себя дома. После окончания 4 классов желающие могли продолжить обучение в с. Усть-Камчатске. Но большинству это было не по карману, и дети возвращалось на Медный. В те годы многие считали, что за интернатами будущее. Оксана Львовна не разделяла этой идеи.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ
ТУЗЕМНАЯ
СЕМЬСКИЙ СОВЕТ

30 - Июня 1932 г.

№ 88

О. А. Матвеев

Кандидатка на д. 130

Настоящий отзыв выдан Преображенским Тузововетом Командорского района Петропавловского /на Камчатке/ округа. Завтголой 1-й ступени острова Медного тов. Климовой Оксаны Львовны за период работы школы учебного года.

Тов. Климова Оксана Львовна за время своей пребывания в должности Учителя на острове Медном, проявила себя добросовестной работницей, не смотря первый год работы при школе. Все мероприятия проводила аккуратно, согласуя вопросы с общественными организациями и, парт-ячейкой. Вела общественную нагрузку среди неграмотных и, малограмотных 1931 и, 1932 г.г. Кроме того вела среди женщин, женорганизатором. Участвовала в работе культурно-просветительных работах среди населения туземного. Преображенский Тузововет выносит т. Климовой товарищескую благодарность и желает ей и впредь вести работу также на пользу Советского государства.

Основание: Постановлении Тузововета От 29/XI-31 г. протокол № 18, и от 28/6-32 года Протокол № 5.

Пред. тузововета: *А. Зайков*..... /Зайков/

Профсоюзный комитет

Ком. Бедн. и Средн. Работн.

С. С. Р.

Медно-... ..

СПРАВКА

30 - Июня 1932 г.

47

Выдается б. учительнице Медновской школы I ст. т. КЛИМОВОЙ О.Л. в том, что по настоянию месткома и общего профсоюзного собрания, состоявшегося 5 марта 1931 г., она была закреплена на работе в школе еще на год, несмотря на ее заявление о желании выехать на материк для поступления в ВУЗ. -

ПРЕДМЕСТКОМА

/А. Зайков/

СЕКРЕТАРЬ *А. Хабаров*

/А. Хабаров/

Отзывы о работе Оксаны Львовны Климовой, 1932 г.

Закончить раздел хочется словами «Отзыва», составленного на основании Постановления тузсовета от 29.11.1931 и протокола от 28.06.1932 и подписанного К.Н. Юрьевым: «Настоящий отзыв выдан Преображенским Тузсоветом Командорского района Петропавловского /на Камчатке/ округа. Завшколой 1-й ступени острова Медного тов. Климовой Оксаны Львовне за период работы школы учебного года.

Школьники о. Медного, 1935 г.

Зав. школой Блажевич Сергей Митрофанович; верхний ряд слева направо: Аксёнова Лукерья Сергеевна, Сушков Сергей Илларионович, Сушкова Юлия Емельяновна, Григорьев Сергей Сергеевич П., Сушкова Татьяна Емельяновна, Хабаров Павел Валентинович,

Кадин Дмитрий Николаевич, Волокитина Евгения Гавриловна, Фредынский Юрий; средний ряд: Кадин Алексей Николаевич, Яковлев Василий Михайлович, Сеницын Иван Кузьмич,

Тимонькин Владимир Венедиктович, Дуришин Иван Иванович, Тимонькина Ираида Венедиктовна; нижний ряд:

Кичина Анна Степановна, Степнов Илларион Степанович, Аксёнов Владимир Моисеевич, Степнова Юлия Степановна, Доценко Екатерина, Степнова Мария Степановна

Тов. Климова Оксана Львовна за время своей пребывания в должности Учителя на острове Медном, проявила себя добросовестной работницей, не смотря первый год работы при школы. Все мероприятия проводила аккуратно, согласуя вопросы с общественными организациями и, парт-ячейкой. Вела общественную нагрузку среды неграмотных и, малограмотных 1931 и 1932 г.г. Кроме того вела среды женщин, женорганизатором. Участвовала в работы культурно-просветительных работах среди населения туземного. Преображенский Тузсовет выносит т. Климовой товарищескую благодарность и желает ей и впредь вести работу также на пользу Советского государства».

Преображенка. В разлуке

Здание школы, часть которого была отведена супругам, стояло так близко к морю, что во время сильных штормов ветер доносил солёные брызги. В одной из комнат Илья Ильич устроил рабочий кабинет: стол, шкаф с книгами и маленький диванчик, – вот и вся скромная обстановка. На стенах висели фотоаппараты, бинокли, прочие предметы экспедиционного снаряжения и, конечно же, винчестер с дробовиком. Скромное убранство завершали радиоприёмник и карта о. Медного. Рядом располагались «лаборатория» со склянками и цинковыми ящиками для собранного материала, ещё одна маленькая комнатка, спальня и кухня.

В центральной части дома располагалась большущая цилиндрическая утермарковская печка – чудесная вещь, достаточно раз протопить, чтобы хватило на двое суток. Источником был школьный сторож Ипат Григорьев (1915 г. р.), замечательный, красивый парень, но редкостный лентяй: «Ипат, когда же ты печку будешь топить?» – «Успеется».

Уютно длинными зимними вечерами сидеть с книгой в руках, слушать завывание пурги и наслаждаться потрескиванием дров... Но калан, или морской бобр, как называли его на Командорах, предпочитал делать залежки вдали от людей. В северной части острова Бобровая падь прорезает горные хребты, соединяя две бухты – Песчаную и Бобровую. В первой стояли два домика бобрового караула. Во второй, как следует из названия, держался главный объект исследования. Песчанка расположена недалеко от села. Если было бы можно пройти по лайде (зоне заплеска), путь

занял бы не более получаса. Но его преграждали отвесные скалы – «непропуски». В летнее время этот участок можно обогнуть на шлюпке. Зимой погода не позволяла, и приходилось карабкаться через сопки. В непогоду переход становился опасным, а зачастую просто невозможным. Условные тропы заметало снегом, ветер сшибал с ног. В такие дни Илья Ильич оставаться на уютах, обычно в бухте Песчанке или Матвеевской. Уютами на Командорах называли промысловые участки, хотя чаще слово относилось к самим домикам и юрташкам-полуземлянкам, где ночевали алеуты. Описание матвеевской промысловой избушки сохранилось в одной из записок, написанных зоологом по время песцового промысла: *«Представь себе маленькую, грязную, дымную и тёмную юрташку с заплёванным табачной лемешинной [самодельной жвачкой из табака и древесной золы] полом, запахом песцового мяса и жира. В этой юрташке на одной наре помещаюсь я с одним из алеутов, а на другой – двое других. Целый день топится плита плавником [выбрасываемый морем лес], который даёт едкий дым».*

Когда занятия заканчивались, и ученики расходились по домам, Оксана оставалась совершенно одна. Девушка страшно тосковала, особенно первое время. Как человек общительный, она вообще не привыкла к одиночеству. Но одна бурная ночь поразила её настолько, что впечатление осталось на всю жизнь.

Карта северной части о. Медного

Мела сильнейшая пурга. Окна застлала сплошная снежная масса. Деревянный дом гудел и дрожал от ураганного ветра. Когда порывы превосходят 30 м/с, что на Командорах не редкость, кажется, что твоё убежище – карточный комик, который вот-вот пойдёт на взлёт. И вдруг наступила полная тишина, даже в ушах заломило. Длилось это буквально несколько мгновений, после чего всё снова завывало и затряслось. Что это было? Алеуты сталкивались с этим явлением, но не смогли объяснить его физической природы. Оксана не сдавалась. Вернувшись на большую землю, она вновь и вновь рассказывала историю в надежде, что кто-то сможет дать ответ. Но знакомые пожимали плечами: наверно, почудилось. Не помогли и физики. И вдруг в автобиографической повести Джека Лондона «Путешествие на «Снарке» она нашла описание точно такого же случая. Писатель объяснил его «столкновением» двух потоков. На самом деле разгадка крылась в сложной турбулентной природе движения воздушных масс. Многие на Командорах сталкивались с подобным – да, это странное явление впечатляет...

В первую зиму жила на острове ещё одна молодая семья – зверовод Голощёкин с женой Наташей и родившейся в октябре 1930-го дочуркой Светланой. Барабаш с ними дружили. Мужчины по долгу работали в острове, а жёны помогали друг другу и иногда, чтобы не скучно было, ночевали вместе – у Голощёкиных. Перед уходом Илья Ильич оставил охотничье ружьё: *«Если кто-нибудь захочет попугать, полезет в дом, заряжай ружьё, выставляй в форточку и стреляй в воздух»*. Посмеялись, разошлись, а совет пригодился.

Наташа спала в комнате, выходившей окнами на склад, большее двухэтажное здание. Окно Оксаны смотрело на школу, хотя сама школа была достаточно далеко. И вот однажды ночью Наташа будит и шепчет: «Иди, посмотри, что у меня кто-то за окном...» А там, снаружи, мужская фигура – стоит, как распятый. Ночь светлая, лунная, потрясающе красивая. За два года луна всего несколько раз так сияла, обычно небо было затянуто тучами, дымкой или стоял туман. Девушки догадалась, что кто-то решил их разыграть и решили проучить незваного гостя. Оксана показывает Наташе: «Я сейчас буду палить, а ты, давай, наблюдай, что он будет делать». Зарядила ружьё, выставила в форточку и – бабах! Фигура тут же слетела в сугроб и бросилась наутёк.

Утром Оксана побежала на занятия, а Наташа, как заправский сыщик, стала изучать следы под окном. Смотрит, весь сугроб истоптан – долго приноравливался, пока лез. В тот же день рассказали о случившемся Олимпиаде Сергеевне. Та быстро вычислила виновника. Им оказался 16-летний шалопай, сын секретаря партачейки. Ни один алеут на такую глупость не пошёл бы. Посмеялись, а оболтусу был хороший урок.

Чтобы обеспечить оперативную связь, между селом и ухоями были протянуты полевые телефонные линии. Формально функционировала и песчановская, но на деле из-за сильных штормов и снежных заносов провод постоянно приходил в негодность. Поступали по старинке, передавая записки через «посыльных», с оказией, если кто-то шёл в нужную сторону. Таким же способом промысловики узнавали последние новости села.

Никаких конвертов не существовало, письма шли в открытом виде. Придёт алеут из Песчанки или с Матвеевской, принесёт записку от Ильи Ильича. Соберётся обратно – Оксана передаст с ним свою. Островной народ простодушный, открытый, сам секретов не держит и от других не ожидает. К тому же была у алеутов страсть – они любили читать, причём все: книги, газеты, письма... Придёт добродушнейший человечище из острова, протянет записку и докладывает: «Он тебе то-то и то-то пишет». «Странная» просьба не совать свой нос не действовала. Тогда Оксана написала: «Имей в виду, наша корреспонденция вся перлюстрируется». И Илья Ильич нашёл выход – следующее письмо вывел латинскими буквами. Алеут пришёл озадаченный: «Ты знаешь, – показывает на записку, – я читал-читал, ничего не понял». Оксана смеётся: «Для того так и написано, чтоб ты не понял. Кто ж чужие письма читает?»

Песчанка. Под вой пурги

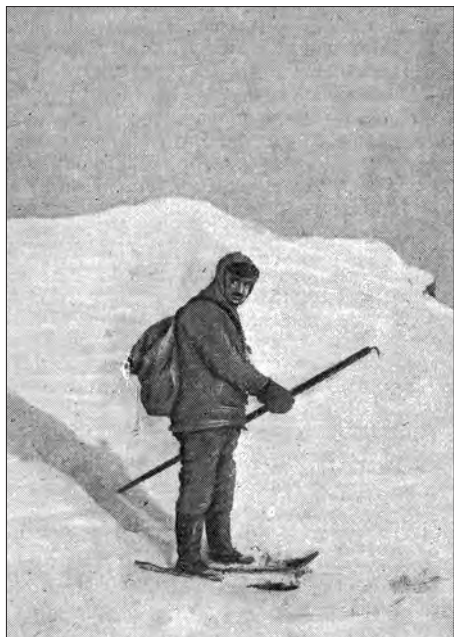
Следующую зиму, три или четыре месяца, супруги провели вместе, на Песчанке. В Преображенское вернулись только в начале весны. Условия суровые, тяжелее, чем в селе: непрерывные ветра и пурги намели мощный, выше человеческого роста, слой снега. Питьевую воду брали из озера. Чтобы сделать запас, нужно прокопать глубокий колодец. После каждого снегопада колодец стано-

вился всё глубже и глубже. И вот уже, чтобы спуститься, приходилось прорубать ступени. Конечно, командорцев и камчатцев таким не удивишь, но, представьте: когда Илья Ильич стоял у воды и поднимал руку, до верха всё равно было далеко. А он был человеком довольно высокого роста. В дни, когда пуржило, колодец заметало быстрее, чем успевали набрать воды. Тогда приходилось топить снег. Но так поступали редко – вода без солей неприятна на вкус и бесполезна для организма. К тому же снег выстужал домик, где температура и без того была невысока.

Завезённый уголь быстро закончился, и пришлось топить собранным плавником. Затем взялись за накат старого разрушенного погребца, но и этого хватило ненадолго. С началом песцового промысла в качестве топлива стали использовать замороженные тушки. Жирные куски прекрасно горели, давая большой жар. Так, экономя, продержались до завоза угля.

На Песчановском ухуже, между морем и озером, стояло два домика. В одном из них жил алеут Сергей со своей старушкой-мамой. Единственным Сергеем, подходившим под описание, мог быть Сергей Сергеевич Григорьев (1912 г.р.), а его мамой – Улита Ипатьевна. Женщине на тот момент было около 46 лет. В другом «доме промыслового надзирателя», в зиму 1931–1932, обосновалась семья Барабаш. Годом раньше старшим на песцовом промысле был промстаршина Березин, скорее всего, Пётр Игнатьевич (Березины – большой беринговский род). Надо полагать, это он уступил зоологу свой домик, за что Илья Ильич был очень признателен.

Юношу Илья Ильич называл ласково – Сергушкой: *«Дождавшись наконец благоприятного (согласно инструкции) ветра, зоолог вышел на первое своё наблюдение каланов в бухту Бобровую. В качестве помощника и проводника при нём находился молодой унанган Сергушка. <...> Птицей летел вниз Сергушка. За ним, тормозя посохом и далеко отставая, двигался зоолог. Нужно с ранних лет привыкнуть к этим лыжам, сжиться с этими сопками, чтобы так свободно, легко и красиво лавировать на стремительном спуске, как это делают унанганы. Ничуть не сбавляя скорости, почти не пользуясь посохом, одними неуловимыми движениями тела управляют они лыжами. У новичка дух захватывает при виде их смелых трюков. <...> Море никому не даёт здесь умереть от голода. А Сергушка доказал, что и в тундре,*

«Сергушка»

(Сергей Сергеевич Григорьев)

даже не имея в руках ружья, можно также пожить кое-чем хорошим. Один раз он принёс пару тундряных куропаток, сшибленных им при помощи палки. В другой раз он умудрился убить камнем мелкую утку-каменушку на речке. Таким образом продержались наблюдатели целую неделю».

Вместе Барабаш на ухуже жили питомцы: кошка Шишига, маленькая, изящная, наделённая невероятным умом и талантами, и её огромный сын, красавец-кот. Шишига, как и все её островные сородичи, сразу взяла на себя обязанности сторожа и добросовестно охраняла дом от воришек-песцов. Отважная красавица отгоняла непрошенных гостей и для пущей остротки могла вцепиться в пушистый хвост неприятеля. В сарайчике мирно похрюкивали две свинки, которых тоже пришлось взять с собой.

Как-то зимой Илья Ильич получил через посыльного приказ явиться в Преображенское на производственное совещание. Он обещал не задерживаться, но на другой день после его ухода разразилась сильная пурга. Снежная вакханалия не утихала неделю. Всё это время Оксана провела в полном одиночестве. Хорошо, Сергей смог дважды прорваться, чтобы помочь накормить свинок – сама бы она до сарайчика не добралась.

Под завывание пурги и рёв волн с непривычки приходят мрачные мысли. А вдруг любимый пойдёт обратно и погибнет в этой круговерти? Сергей успокаивал, что в такую погоду никого из села не выпустят. Но не он ли сам недавно рассказывал, как на о. Беринга в обвале погибли трое алеутов-промышленников? Как их

окоченевшие трупы с трудом извлекали из-под снежной глыбы? В памяти всплывали рассказы, как Илья Ильич шёл на лыжах, проваливались по колено при каждом шаге, как острые ледяные иглы били в лицо. С каждым новым порывом лицо и одежда покрывались сплошной ледяной корой. А снежная слепота?.. А сбивающие с ног шквалы на перевалах? – с этой силищей не могли совладать даже бывалые алеуты...

Тревожные мысли громоздились ледяными торосами... их вздымали и размалывали о скалы гигантские снежные волны... глаза всё больше слипались, и сознание погрузилось в тяжёлый тревожный сон. Она отчётливо видела мужа, лежащего на земле и полузаметённого снегом. Песцы, обрадованные лёгкой добычей, подбирались, чтобы обглодать лицо. Прочь! – Оксана проснулась в холодном поту. За окном по-прежнему мела пурга, стоял полумрак. Приснившийся кошмар не желал отпускать.

Прошёл ещё один день вынужденного заточенья. Погода по-немногу утихала. Девушка зажгла керосинку и села читать. Было далеко за полночь, как вдруг на крылечко взошёл человек: скрип, скрип, скрип – все три ступеньки. Открыл входную дверь, прошёл сени, отворил дверь на кухню, топ-топ-топ и встал на пороге. Каждый звук слышался отчётливо. Что это? Оксана окаменела от ужаса. Ждать помощи неоткуда... Собрав волю в кулак, она начала рассуждать: обе двери заперты на крючки, значит, никто зайти не мог, всё мерещится. Единственный выход – встать и убедиться. Взяла лампу и на ватных ногах тихо направилась в кухню. Никого. Крючок цел. Дверь закрыта.

За долгую жизнь Оксана Львовна повидала всякое: безжалостные жернова сталинских репрессии, перемоловшие судьбы многих друзей, война, эвакуация, разруха. Но такого ужаса никогда не испытывала. Будучи убеждённым материалистом, она могла объяснить случившееся только сильным эмоциональным напряжением. Меж тем, с подобными явлениями сталкивались многие промысловики на обоих островах. Что это? – сложно сказать. Беринговцы раньше верили в чунугулах. Медновцы рассказывали о безобидных чалакаках, но был ещё фольклорный персонаж без имени, страх, из-за которого дети 1920-х боялись ночью тушить свет. Но об этом было не принято распространяться. Так что пусть и эта история останется нашим маленьким секретом.

Большая тайна

На протяжении долгой зимы радиосвязь служила единственной ниточкой, связывавшей остров с внешним миром. Передача информации осуществлялась посредством азбуки Морзе. Приходу радиста, владевшего этой магией, радовались, как выпуску свежего номера газеты.

Оксана Львовна помнила двоих. Первый жил с женой и двумя детьми. На их долю выпало тяжёлое испытание: у обоих мальчиков было врождённое заболевание, выражавшееся в атрофии ножек. Старшему было 10, и мама носила больного на руках. Второй родился весёлым крепышом, но в годик и у него начал проявляться страшный недуг. От островного фельдшера, чьи познания в области медицины были более чем скромны, проку не было. Семья попросила перевода, чтобы детям могли оказать квалифицированную помощь. Летом 1931-го их вызвали на Беринга, а оттуда – на материк.

Вместо прежнего радиста прислали молодого человека по имени Михаил. Молодёжь быстро подружилась: Оксане исполнилось 20, Мише – 21, а новому учителю – 24–25, он как раз только окончил педагогический вуз. Илье Ильичу, хоть он был старше остальных и всегда погружен в науку, также импонировало новое общество.

В селе Миша частенько забегал на огонёк, и за те месяцы, пока чета Барабаш жила на Песчанке, сильно по ним соскучился. В один прекрасный день неожиданно-негаданно он заявился в гости. В это время Оксана запасала сено, чтобы утеплить сарайчик для свинок. Ножом срезала высокую траву, росшую рядом с домом в большом количестве, вязала подобие снопов и относила их на чердак для просушки. Внутренняя лестница располагалась прямо на кухне. Только девушка начала подниматься с очередной охапкой, смотрит – в проёме стоит огромный парень. Мы уже знаем, что наша героиня была не робкого десятка: «Это кто тут?» – «Ха-ха-ха». На шум вышел Илье Ильич, он, как всегда, занимался каланами: «Миша, Вы откуда взялись?» – «Я объявил, что буду в отлучке и вернусь только завтра вечером. Так что я на целый день. И ночевать у вас останусь, если не возражаете. А завтра к вечеру уйду». Радужные хозяева очень обрадовались, что не помешало Илье Ильичу пожурить молодого человека: «Нельзя же так пугать!»

Сели пить чай. И тут Мишу прорвало: «Поклянитесь, что никому не расскажете! Я же что ещё пришёл: меня аж распирает, а поделиться не с кем...». Оксана моментально поклялась и, действительно, за всю жизнь не проронила об этом ни слова. Лишь когда в 2003-м я рассказала о практиковавшемся на Командорах способе делать схроны, подумав и всё взвесив, она решилась нарушить «страшную тайну».

Оказывается, радист случайно услышал в эфире разговор, не предназначавшийся для его ушей. Поступил донос: в селе Никольском на о. Беринга в доме таком-то сделана двойная стенка. Вскройте, и там вы найдёте массу шкур. Кажется, песцовых.

В начале XX века на островах, действительно, стали делать двойные стены и потолки. В потайных нишах прятали шкуры от «хищников» — главным образом, японских браконьеров. Такая практика вошла в обиход после разграбления в 1905-м села Никольского, захвата Северного лежбища, разгрома в 1908-м летней деревушки Глинки и череды менее масштабных налётов. Истории о тайниках ранне-советского периода тоже ходили среди старожилов. Поговаривали, что в землянке на селище Саранном в стене возле печки замурована коробка с золотыми монетами, платой за добытые шкуры. Автор признания якобы писал об этом из мест лишения свободы своему брату, жившему на Беринга. Тот, конечно, письма не получал, но слушок прошёл. И клад, вроде бы, нашли, но что в нём было, и что стало потом — неизвестно.

Три небольшие зарисовки

В первую же зиму Илья Ильич посоветовал вести дневник. Оксана идея сразу понравилась. Здесь, на краю земли, в мире, таком непохожем на их малую родину, всё было удивительно и уникально. Хотелось запечатлеть каждый миг. Много строк было посвящено школе. Описание повседневного быта дополняло зоологические тексты учёного. Иллюстрацией к словам служили чудесные фотографии. Снимков было очень много, и за каждым стояла собственная история. Но в 1942-м семье пришлось в буквальном смысле бежать от наступавших немцев, с собой брали лишь то, что могли унести в руках. Прекрасные альбомы погибли, а вместе с ними — командорский дневник Оксаны Львовны. Остались только бесценные воспоминания...

«Я помню танец, – рассказывала Оксана Львовна, – кажется, «баланс». Его любили и часто исполняли в клубе. Участники сперва медленно прохаживались, взявшись за руки, под однообразное наигрывание гармошки. Потом, приплясывая, образовывали большой круг и разбивались на пары. Движения были то плавными, то резкими, и постепенно ускорялись. Я была большой любительницей танцев и, конечно, в первый раз приняла в нём активное участие. Все двигались по кругу, с вращением вокруг и друг вокруг друга. Когда началась быстрая часть, мой партнер-алеут стал вращать меня с такой бешеной скоростью, что мои ноги не успевали. Он вёл в этом безумном ритме, в три притопа. Помню, при вращении танцоры громко вопили. Я была заядлая танцорка, могла хоть всю ночь танцевать. Но тут под конец совсем «укачалась», не выдержала и сошла с дистанции. Позже выяснилось, что кавалерам принято меняться, а дама-то была одна – только я!» (текст составлен из двух рассказов, здесь и далее стилистика незначительно подправлена).

Илья Ильич даже не пытался. По его признанию, непривычному человеку трудно не только принимать участие, но даже смотреть на такой танец. К концу вечеринки сами алеуты становились похожими на людей, только что вышедшими из банной парилки.

Были и песни. На памяти Барабаш все они исполнялись на русском языке, причём пели в основном мужчины. Особенно популярным был грустный городской романс, начинавшийся словами: «На горах туман». Были в песне такие слова: «Солнце скрылось с горизонта. Я осталась одна. Нет ни друга, никого». И многократно повторяемый припев: «Ой, круго-ом темно». Алеуты пели «крагом темно». Это «крагом темно» осталось в доме до конца дней. Как только какая-нибудь неприятность на работе, Илья Ильич приходит: «Ну, сегодня только петь «Крагом темно...»

В обиход вошли и другие островные выражения. Как-то раз случайно в руки попала записка: «Я Вас лублю. Лубите ли Вы мне?» Это тоже – на всю жизнь.

Сельское хозяйство на Медном развивалось с большим трудом. Рассказывали, что кто-то сеткой огородил небольшую площадку, сотку, не больше, и посадил там картошку. Оксана Львовна только слышала об этом – за два года не взошло ни одного росточка. А

может, и взошли, но за ними не ухаживали, и их забило сочное высокотравье.

Зато коровы в селе были. Одна принадлежала секретарю партячейки, хорошая, давала много молока. И был своенравный бык. Однажды кто-то привязал стираться штаны. Именно привязал. На Командорах бытовал примечательный, как сейчас сказали бы, «экологичный» способ стирки: на робе или другой испачкавшейся тряпице затягивали петлю, другой конец верёвки закрепляли за камень или колышек на берегу, и бросали вещь в море. Через два-три дня она становилась совершенно чистой, ни капли жира. Оставалось только опреснить, прополоскав в речке. Так вот, тот строптивый бык взял и «съел» чьи-то штаны, изгрыз до дыр.

На обоих островах, Беринга и Медном, стояли православные храмы. Они перестали функционировать с приходом советской власти, но произошло это не в одночасье. Беринговский священник Иоанн Пешков добровольно отказался от сана приблизительно в 1925 году, с этого момента Николо-Иннокентьевская церковь большую часть времени пустовала. На Медном постоянного священника не стало где-то с 1917-го, хотя проблема существовала и раньше. В отсутствие священника службы и основные требы (крещение, венчанье, отпеванье) в Преображенской церкви проводил псаломщик Семён Ефимович Снегирёв (1883 г. р.). Ему помогал Яков Иванович Хабаров (1895 г. р.), племянник прежнего псаломщика Трифона Хабарова. Наделённый острым умом и великолепной памятью Яков всегда был на особом счету: с 1924-го исполнял обязанности то председателя, то секретаря месткома, в 1932-м был избран секретарём тузсовета.

Формально церковь была закрыта, и «всё больше голосов поднималось за передачу её здания под культурные нужды», но фактически продолжала работать. В 1930-м на острове был священник, его вывез тот самый «Томск». *«Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: серое небо, на горах туман, у берега — сильный прибой. А на корме баржи на коленях стоит старик огромного роста с широченными плечами. Помню, как ветер развевал его седые волосы и большую седую бороду. Он крестом благословлял стоящую, как один, на коленях и рыдающую толпу алеутов. Я была не в силах смотреть на это, но этот кошмар*

был в действительности» – вспоминала Оксана Львовна, сама она была убеждённой атеисткой.

Через некоторое время после захода парохода раздался колокольный звон. «Как так? А кто же теперь вместо священника?» – изумилась Оксана, не присутствовавшая ни на одной из церковных служб. «Как кто? Председатель тузовета, он прекрасно знает службу». Председателем тузовета, как мы знаем, был Константин Николаевич Юрьев. Алеуты, в том числе партийные, все ходили на воскресные службы, не таясь и не стесняясь. Они верили в идеи коммунизма и одновременно молились Богу, не видя в этом противоречий.

Приблизительно с 1931-го здание церкви стали использовать под школу, затем – под школу и клуб. Позже одно крыло переоборудовали под продовольственный склад и, наконец, в зиму 1940–1941 разобрали на дрова. В тот год не завезли топливо, и жители приняли решение, позволившее им выжить.

Обратная дорога

«Эскимос» пришёл в конце лета 1932-го. Вместе с ним прибыли первые пограничники – до того представителей ГПУ на Медном не было. Не было их, вероятно, и на Беринга.

Вместе с Барабаш на Камчатку выехала семья секретаря Яковлева. Запомнилось обилие багажа, которое они взяли с собой. Разве что коровы не прихватили...

Во Владивосток на этот раз дошли быстро и без эксцессов. Моросил мелкий дождик, по-командорски, бус. Началась проверка. Сверили документы и наличие оружия – у Ильи Ильича было собственное охотничье ружьё. Его и полевой бинокль зоолог внёс в декларацию, ещё когда выезжал на острова. Остальные вещи лежали в ящиках. Каждый был аккуратно упакован, забит гвоздями и подписан. В одном везли мыло – на складе Медного его было огромное количество, а на материке днём с огнём не достать. В другом – ситец, на острове он был в свободной продаже, и Оксана, пользуясь случаем, запаслась гостинцами родственникам. В остальных – личные вещи, научные материалы. Большую часть привезённых книг оставили на острове – школьной библиотеке. Содержимое каждого ящика было подробно описано в записной книжке Ильи Ильича.

Наняли лошадку, погрузили скромный скабб, едут. На выходе стоит молодой лейтенант: «Вы откуда?» – «С Командорских островов». – «А, понятно. Сейчас будем ящики вскрывать». – «Как?! Все ящики?» – «А как же, конечно, все». Сыро, идёт дождик, пограничник смерил взглядом: «Хорошо. Если вы скажете, что в этом ящике лежит, я вскрою, и там будет заявленное, то остальные трогать не стану». Путешественники обрадовались. Илья Ильич достал свою книжечку, полистал, номер такой-то – пожалуйста, то-то и то-то. Тот посмотрел: «Да я пошутил. Давно здесь стою, посмотрелся уже. Вы не похожи на тех, которые тащат [наворованное]».

А вот Яковлева с парохода долго не выпускали. Багаж арестовали в ту же минуту, как вошли таможенники. Надо полагать, там были шкуры, и у ОГПУ были все основания заподозрить неладное. Позже отношение к Яковлеву нашло отражение в одной из ёмких фраз: «Долгая оторванность от материка даёт почву к развитию у отдельных работников, наделенных властью, самодурства» (журнал «Советский север», 1934, № 4).

Первую книгу о Командорах Илья Ильич подарил своей надёжной спутнице с дарственной надписью: «На память о двух годах, проведённых на о. Медном, о чудесном звере – калане, воспоминание о нём будет согревать нас всю жизнь». Так и получилось. Командоры оказались тем цементом, который связал пару на долгие 50 лет счастливой совместной жизни.

Когда ранним утром «Эскимос» выходил из Авачинской бухты, рядом с пароходом проплыл пушистый красавец. «Калан со мной прощается», – улыбнулся зоолог.

Нежданные подарки

Работы по приручению морских бобров встречали постоянные препятствия. С одной стороны, скептическое отношение островного сообщества и медновских властей. С другой, нежелание АКО взять на себя даже незначительные материальные затраты. Вместо строительства вольера Общество предложило подыскать «тихую заводь», которую «легко можно было бы отгородить от моря без слишком больших затрат». Но как доказать чиновникам, что таких

«заводей» на Командорах не существует в принципе? Невежество канцелярских работников, не имеющих ни малейшего представления о разнообразии природных условий нашей необъятной родины, всегда поражало. За несколько недель до получения письма с отказом от АКО на Медный пришла грозная телеграмма: «Позорно отстаёте в лесозаготовках». Это в зоне-то тундры. Впрочем, о чём говорить, если даже в конце XX века московские чиновники требовали от заповедника отчётов по состоянию лесных массивов...

Илья Ильич не сдавался и предпринял все усилия, чтобы решить вопрос на месте. Летом 1931 года он отправился на катере на Беринга, где находилась районная администрация. Председатель туземного районного исполнительного комитета Николай Васильевич Выломов (ок. 1898 г.р.) поддержал идею. После его вмешательства преображенские власти резко переменили отношение к проекту и стали помогать, в том числе с поимкой животных.

Срок командировки подходил к концу. Обратный путь лежал через с. Никольское, и Выломов решил сделаться приятным новым друзьям: «Разрешите Вам подарок сделать? Я Вас очень прошу. В магазине всё перебрал, вот – единственное, что я смог подобрать». И протянул материю на костюм, чудесную шерсть тёмно-зелёного цвета. В других районах России такой не было. Вплоть до конца 1920-х товары на Командоры завозили из Штатов, обычно из Сан-Франциско. «Что Вы, что Вы! Одно то, что мы с Вами познакомилась – уже большой подарок», – сопротивлялась Оксана. Николай Васильевич улыбнулся – добрые отношения на отрезанном от внешнего мира клочке суши всегда ценились выше любой вещи.

Прошло семьдесят лет. Уже не было в живых ни Ильи Ильича, ни большинства друзей юности. И вдруг неожиданно-негаданно пришла весточка из той самой страны ветров и туманов. А вслед за ней – письмо и видеообращение от Сергея Илларионовича, сына Олимпиады Сергеевны, с которой в те далёкие 30-е были так дружны: «Это наша семья: здесь моя мама, Иов Семёнович, я, Юлия и Татьяна. Фотография 1953-го, мама уже побаливала. А вот эта фотография 1935-го: мы закончили 4 класс и прибыли домой с Беринга [Сергей пошёл в школу позже, в 9 лет]. Сопровождал нас Сергей Митрофанович Блажевич. Вот тот самый Ваня, который есть в книге Ильи Ильича. <...> К сожалению, фотогра-

Два секача (Иов Сушков и Павел Хабаров)

Сушковы

фии Емельяна у меня не сохранилось. Он, действительно, был активным товарищем, но беда с ним случилась на работе, и в 1949-м его не стало»...

Частыми гостями в домике Барабаш были Иов Семёнович Сушков и его друг Павел Николаевич Хабаров (1871 г.р.): «старые секачи», как они сами себя называли, заливаясь всякий раз при этом добродушным смехом. Неразлучные друзья, они всегда появлялись вместе, просиживали вечер и за чаепитием рассказывали нам много интересного из своей богатой приключениями промысловой практики»¹⁷. Шутники сравнивали себя с матёрыми самцами морских котиков, имевшими гарем. Медновские старушки окрестили Иова «анархистом» – говорят, однажды, читая по их просьбе Писание, он плавно перешёл на Пушкина¹⁸... Он очень любил читать. После падения со скалы у него вытек глаз, но он не бросил любимого занятия – читал, поднося к здоровому сильную лупу.

Так, через много-много лет Оксана Львовна вновь «попала» на Медный. Погрузилась в эту атмосферу. *«Я счастливый человек, – писала она, – мне повезло в личной жизни. У меня всегда было много друзей. Дочь – сокровище, и такая счастливая старость. Вот и встреча с Вами тоже для меня – большая удача и радость. Ваш приезд и то тепло, которое исходило, очень помогли мне. У меня, абсолютно неверующего в Бога человека, есть вера, что есть что-то непонятное нам, то, что устраивает наши жизни. В знакомстве с Вами тоже вижу какое-то повеление свыше и за всё благодарна судьбе».*

Слушая мудрые наставления пожилого человека и любуясь добрым чистым светом ясных глаз, я загадала: хочу, чтобы когда-нибудь и мне жизнь преподнесла такой подарок; чтобы пройденные испытания обернулись радостью; чтобы друзья не забывали. Так и вышло.

¹⁸Барабаш-Никифоров, 1934, с. 18.

¹⁹ПМА: С.И. Сушков, 27.11.2006.

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2020

Выпуск 30-й

Составитель и редактор *А. А. Смышляев*
Технический редактор *О. И. Набутовская*
Корректор *А. Пересыпкина*

Подписано в печать 25.11.2020 г. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная, вкладка мелованная.

Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Издательство «Новая книга», ИП Кожан С.П.
693032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс»»
690950, г. Владивосток, пр-т «Красного знамени», 10